

Замещение русских, как людей с неприспособляемым менталитетом, на мигрантов...

Очень не хочется говорить банальности. Сейчас специалистов по национальному вопросу развелось больше, чем нелегальных гастарбайтеров, а толкут в ступе одно и то же.

Ясно, что визы надо вводить — но ясно, что вводить их нельзя. Ясно, что надо выселять — но ясно, что это мартышкин труд, да ещё и весьма затратный. Ясно, что миграцию надо ограничивать — но ясно, что ограничить её невозможно. И так далее. Эти антиномии перемаляются из года в год, из речь в речь, из программы в программу...

А на самом-то деле можно вводить визы, можно не вводить, можно выселять, а можно и не выселять; пока не случилось чего-то главного, стержневого, сердцевинного, самые противоположные административные меры будут иметь своим результатом один и тот же пшик.

Как и всякому нормальному человеку, мне совершенно естественным образом становится неприятно, когда на улице, где я прожил всю жизнь, я чужую речь слышу чаще, чем родную. Или вот взять поселок Рощино, где сейчас вокруг нашего покосившегося разошедшего скворечника образца 56-ого года, входящего в древнее садоводство, всюю строятся окруженные трехметровыми заборами бронезащитные бункера с противотанковыми мезонинами. И в наш лесок, где ещё с полтора десятка лет назад мы в пяти минутах ходьбы от калитки подосиновики, моховики и белые играючи собирали, стало просто не войти от, простите, могучих куч, слегка прикрытых газетными клочками. А то и громоздящихся во всей своей обнажённой красе. Я, доктор наук и лауреат Государственной премии, эти кучи в радиусе досягаемости чуть ли не каждое утро бесплатно закапываю. Потому что игнорировать нельзя — мухи просто пенятся, и как потом есть смородину с куста? И хотя кое-какие биотуалеты на стройплощадках и воздвигнуты, бесчисленные Джамшуды, силами коих прирастает заборная Отчизна, их, похоже, не жалуют.

Но я никогда не забуду сцену, произошедшую на моих глазах в вагоне питерского метро семь лет назад. Как раз напротив меня сидел классический ветеран — под морщинами лица не видно, потёртый пиджачок с орденскими планками, узловатые, в синих венах руки сложены на стоящей меж колен клюке. И вот пришла ему пора под-

ниматься на своей остановке, подниматься загодя, чтобы успеть к дверям, когда те раздвинутся. И он, всем весом опираясь на трость, другой рукой вцепился в стойку и принялся буквально вытягивать себя с сиденья. На освободившееся место тут же рухнул русский интеллигент лет тридцати. Тоже классический — ухоженные, колышущиеся от чистоты русые кудри, русая же борода, академические очки; и, немедленно раскрыв на коленях зачитанный томик Пруста, углубился в него всей своей утонченной душой. А поезд, как на грех, тормознул резковато, старика крутнуло и он, беспомощно ткнув куда-то косо вниз своей палкой, тщетно цепляясь за стойку, начал падать интеллигенту на колени. Падал медленно, точно уже смертельно раненый, но еще не убитый, изо всех сил пытаюсь устоять и все цепляясь, цепляясь, а рука соскальзывала все ниже... Когда его спина придавила Пруста, русокудрый лишь отодвинулся, севши чуть боком и не отрываясь от бессмертных строк гения. Я начал было вскакивать, с безнадежностью чувствуя, что нет, не успею, между мной и им народ... И старик рухнул бы, если бы с двух концов вагона, не сговариваясь, не рванули к нему тигриным скоком, шутя пронзив толпу, двое так называемых черных, лет по двадцати с небольшим, и не подхватили под оба локтя. И поддерживали его, как отца родного, вплоть до, как говорится, полной остановки поезда. И довели до самой двери, и поддержали на выходе. И потом, не обменявшись ни словом, разошлись по своим углам. А интеллигент так и продолжал повышать свой культурный уровень.

Вот это, на мой взгляд, куда ближе омерзительных могучих куч к той сердцевине, к альтернативе выживания или невыживания, которую одним словом не назвать и в конкретные административно-правовые меры не облечь.

Чьи менталитеты к чьим в указанных коллизиях следовало бы приспособливать?

И, главное — КАК?

Опасность с востока?

Да хоть откуда. Германию, как показал Наполеон, можно завоевать. Францию, как показал Гитлер, можно завоевать. Японию, как показала Америка, можно завоевать. Но такие титанические страны, как Россия, способны погубить себя только сами.

Канализация избыточного населения из Средней Азии в Россию правительствами "суверенных" постсоветских....

С лёгкой руки архитекторов перестройки, возвращенных на антисталинской кампании Хрущева, у нас принято рефлексивно поносить все советское просто потому, что это как бы автоопределитель «свой-чужой». Стоит сказать «мы победили» — и готово дело: хоть ракеты запускай, хоть гены расшифровывай, все равно ты сталинист, душитель свободной мысли и гонитель интеллигенции. Стоит сказать «трупами завалили» — и ты уже сразу, еще толком не похмелившись и не успев перелечь с третьей гражданской жены на четвертую, все равно светоч нравственности, совесть нации и спаситель ЭТОЙ СТРАНЫ от мракобесов и быдла. Ясно, что светочами нравственности охота быть всем.

Примерно таким же разграничительным свойством обладает словосочетание «ленинская национальная политика».

Но если отшелушить с него лозунговую шелуху, останется крайне не простое и крайне важное ядро. Для каждой нации всеми доступными средствами, порой на пределе возможностей страны в целом, обеспечивались рабочие места по месту её, этой нации, исторического проживания. Братья дружили, но вылезали за пределы своей маленьких Родин сравнительно редко и общались главным образом в лице своих культурных элит. Потому и дружили. Каждая элита рассказывала другой элите про положительные качества своего народа, а уж остальные элиты передавали рассказы дальше и ниже. Вспомните, как мы обожали Грузию и грузин благодаря грузинскому кинематографу. По их фильмам мы были уверены, что нет на свете народа добрее и бесхитростнее, и готовы были при реальных личных встречах пушинки с них сдувать.

А с какой симпатией относились мы к мусульманам — не в последнюю очередь благодаря «Ходже Насреддину» Соловьева! Помню, в пятом классе мы вдруг принялись почти поголовно клясться бородой Пророка...

Иваны валили кучи в свои кусты, и Джамшуды валили кучи в свои кусты. А в общий, весьма комфортабельный сортир ходили Гамзатовы, Айтматовы, Сулейменовы, Амирэджиби, Светловы, Вознесенские — и вполне культурно за собой смывали.

Разваливаться эта идиллия начала тогда, когда за людьми, утверждавшими, что русские съели все наше сало (хлопок, соболей, вино, нефть, селедку, алмазы, сыр, нужное подчеркнуть) закрепился статус бескорыстных и бесстрашных правдоискателей. А конец ей был положен знаменитой фразой «Берите суверенитета, сколько сможете».

Надеюсь, тот, кто ее произнес, горит сейчас в аду, а черт-бригадир, чтобы наказуемый не заскучал, время от времени повторяет своим рогатым подручным: «Лейте масла, сколько сможете».

И на той же сковородке зарезервировано, я вас уверяю, достаточно мест для тех, кто в свое время теоретизировал: вот стряхнем отсталые национальные окраины, отгородимся от них государственными границами, повернёмся лицом к Европе и, ясен перец, запируем на просторе. Передовая западная наука так долго доказывала, что русские цари завоевывали совершенно им не нужную Среднюю Азию просто из врожденной агрессивности и ненависти к инородцам, что получившие блестящее европейское образование столичные мажоры не могли не пропитаться этой мудростью до самых глубин своего могучего интеллекта. Похоже, эти одаренные теоретики, так красноречиво и убедительно критиковавшие бездарность Ленина и кровожадные мании Сталина, рассчитывали и впрямь стряхнуть Среднюю Азию с глобуса. Но географию даже выпускникам Гарварда отменить не под силу. Реально это стряхивание обернулось тем, что мы — просто ради себя и своей безопасности — по-прежнему остались должны делать для этих окраин едва ли не все, что делали при СССР, но оказались лишены всех рычагов воздействия на то, что там вытворяют местные вожди. Мы оставили себе все обязанности и лишили себя всех прав. Ума было у молодых реформаторов — палата.

Посеешь ветер — пожнешь бурю. Что проку теперь гадать, «канализация» это или не «канализация». Это их дела. Мы вольны распоряжаться только у себя. И только здесь, только самими собой, своими делами и своими телами оказывать, увы, лишь самое косвенное воздействие на то, что и как искрит между нами и окраинами, так мешавшими нам вписаться в общеевропейский дом. Окраинами, где усилиями МВД СССР практически не было наркотиков, но теперь стали наркотики, где стараниями Минздрава не было чумы и туберкулёза, но стали чума и туберкулез, где благодаря КГБ и Минпросвету не было ваххабизма, но стал ваххабизм, и теперь все это везут и везут к нам бесчисленные стряхнутые.

И еще мы можем время от времени вспоминать, что есть ещё и в нынешней недотряхнутой России места, применительно к которым не худо было бы вспомнить ленинскую национальную политику.

Что делать для того, чтобы не исчезнуть?

Представим две семьи, живущие в пустыне. Обе — вполне слав-

ные, да и друг к другу относятся, в общем, по-соседски.

У них один источник воды на двоих.

И вот родник этот начинает пересыхать.

Вопрос: как без талонов на воду, без насилия, без колючей проволоки, без призывов к толерантности и прочих пустых словес добиться, чтобы семьи не принялись бы резать друг друга, а напротив, стали бы еще сплоченней и доброжелательней одна к другой?

Секрет прост: подать им идею выкопать колодец, где воды хватит на всех.

Значит — такой большой колодец, такой глубокий, что отрыть его можно лишь предельным напряжением всех сил всех членов обеих семей. Вот тогда они примутся заботиться друг о друге, как о родных — и не на словах, а на деле, в поту и грязи. Ведь каждая пара рук на счету.

Проблема наличия или отсутствия положительной перспективы — личной и общей — имеет самое прямое отношение к проявлению человеком и общностью людей своих самых положительных и самых отрицательных качеств. Когда люди чувствуют, что жизнь и время несут их в желанное будущее, они будут работать не за страх, а за совесть, они будут рожать и пестовать детей, они будут верными, бескорыстными и дружелюбными. Когда они чувствуют, что их несет в адскую прорву, они будут лишь предавать, куражиться напоследок и приватизировать все, что подвернется.

Проблема наличия или отсутствия культурного проекта, ради реализации которого хотелось бы напрячься плечом к плечу людям самых разных национальностей и культур — это проблема, которая, будучи решенной, сама собой решит всю прочую мелкую и неважную белиберду: визы, высылки, квоты... Если людям вновь станет для чего быть людьми, все остальное приложится.

Какие перспективы открывает перед человечеством современная цивилизация? Что за колодец она роет?

Все более ожесточённые потасовки на распродажах, рост немотивированной агрессии, частенько — со стрельбой, частенько — со стрельбой по детям; тупая самоуверенность консюмеризма, у которого на любую рецессию один ответ: затянуть пояса потуже, но покупать побольше; стволовые клетки для богачей и безработица для четверти населения, переименование папы и мамы в родителя А и родителя Б да в ближайшей перспективе легализация педофилии. А там и до некрофилии рукой подать... В угоду экономике и идеологии свобо-

да, за которую Европа столько лет честно проливали кровь на баррикадах, на наших глазах превращается в свободу культивирования догостоящих извращений и маргинализации физиологической и психологической нормы — жизнеспособной, а потому самодостаточной, значит, сравнительно аскетичной и, стало быть, по меркам консьюмеризма — плохо работающей на экономический рост. Влекомые в очередное светлое будущее народы и ахнуть не успеют, как и копрофагия, глядишь, станет всего лишь одним из прогрессивных кулинарных направлений. Не заглянуть в кафе «Las Vegas Poop» или драгз-найт-клуб «Какашечка» будет считаться явным признаком ксенофобии, дискриминации и тоталитарного сознания; ни разу не откушавший там реакционер быстро окажется нерукопожатым, потому что права человека — это святое... Какой тут, к бесу, мультикультурализм? Кого может такая культура соблазнить так, как соблазняла Европа, скажем, в XIX веке?

Тогда дайте альтернативу!

Провозвестники всемирного халифата уже тут. В перспективе шариатские суды, публичные отсечения рук и голов, рабовладение, грамотность в пределах наставлений по стрелковому делу... Простой и ясный мир средневековья, безо всяких постмодернистских закидонов.

И что, это весь выбор? Всё, что нам в состоянии дать шесть тысяч лет развития цивилизации? Либо — либо?

А ВОТ И НЕТ.

То, что я сейчас попытаюсь предложить, фактически уже происходит. Явочным порядком, робко, неосознанно, непоследовательно, все время вроде бы извиняясь за вынужденную бестактность... Будто трава прорастает из-под асфальта, да еще и чувствует себя перед асфальтом виноватой. Но это не трава — это тысячелетняя традиция взламывает инокультурный саркофаг. Это наша судьба. Надо не упираться, но принять ее, осознать, сформулировать, перестать стесняться и начать ей следовать и этим гордиться. Ей-богу, гордиться будет чем. И, в конце концов, свой крест нести всяко лучше, чем чан чужих нечистот или даже тюк чужого барахла.

Пункт первый. Православие древней и ортодоксальней западных ветвей христианства. Оно идёт из самой глубины, от самого рассвета и потому, в частности, куда более консервативно. Обычно это ставится ему в упрек.

Пункт второй. Общероссийская культура в течение нескольких веков вызревала как взаимопереплетение различных конфессий в об-

волакивающей атмосфере православия, то есть наиболее консервативной ветви христианства, и неизбежно несла на себе печать этого консерватизма. Последним великим проявлением такого синтеза была блистательная советская культура, от которой с воцарением свободы остались рожки да ножки. В СССР, при всей его цензуре и всех дуростях, произошел поразительный культурный всплеск. Он дал особую систему ценностей — а только такая особость и делает народ народом, дарит ему самостоятельность и перспективу, а ещё — ценность или хотя бы интересность для остальных народов. Эта система была этически консервативна и потому абсолютно нетерпима к бессовестной свободе ради наживы и животных радостей — но при этом ненасытно жадна до знаний, стало быть, до науки, настезь открыта будущему. Этический консерватизм, конечно, от православия. Открытость будущему — от коммунизма.

Коммунизма как такового не стало, но остальные ингредиенты многовекового исторического варева — в том числе и привнесённая в него коммунизмом открытость будущему — покамест никуда не делись. Сейчас сама судьба подсказывает абсолютно естественную историческую миссию России — стать оплотом здорового, развивающегося, ничего общего не имеющего с регрессом консерватизма для всего громадного ареала авраамических религий мира.

Мы сразу окажемся не в жалкой роли «таких же, только похуже» — а в роли великой страны, сознательно отстаивающей великие ценности, которых кроме неё, в современном мире не решается отстаивать никто. Основной, из глубины вековой традиции идущий культурный тренд, получив смысловую энергетику, вновь станет способен перемалывать и вовлекать в себя маргинальные субкультуры, ставить их на службу общему положительному будущему — то, чего сейчас он совершенно не способен делать и, более того, сам помаленьку ими перемалывается, простаивая и прокисая без употребления. Повальная вялотекущая шизофрения, то бишь каша в головах, культурно именуемая плюрализмом, сменится масштабным и напряжённым творческим противостоянием. И тогда по всему миру все традиционные христиане — наши. И все традиционные мусульмане — тоже наши. И все консервативные здравомыслящие атеисты, кстати. Папа Римский лично споет «Аве, Мария» в адрес России. Сунниты и шииты вспомнят, что единственное место на земле, где они не передрались — это седьмая часть суши, которую интеллектуальная элита кличет Рашкой. И евреи ахнут: так вот у кого есть в достаточном количестве ра-

кеты, чтобы защитить, ежели что, двуполые семьи, про которые еще в священной Горе, прямо с ходу в главе Брейшит, сказано: «пру урву»! То бишь «плодитесь и размножайтесь»! У русских, кто бы мог подумать! А мы, дураки, все про погромы да про погромы...

И, начавши вместе рыть этот колодец, уже сами православные, сами правоверные и сами богоизбранные начнут давать окорот своему хамью, своим вольным стрелкам и своим гулящим взрывотехникам. Сами старательно будут подшлифовываться друг к другу, чтобы ЖЕЛАННОЕ ДЛЯ ВСЕХ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ НЕ ПОСТРАДАЛО.

Правильно себя позиционировать — половина дела. Это вам скажем любой маркетолог. Если получится — тогда и будем с радостью, от души, плодиться и размножаться. То вместе, то поврозь, а то попеременно.